

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Русско-белорусский словарь. Около 86000 слов. Под ред. Я. Коласа, К. Крапвы и П. Глебки. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953, 788 стр. (Ин-т языкознания АН БССР.) [Тит. л. паралл.— на русск. и белорусск. языках.]

Выход в свет русско-белорусского словаря, созданного в результате многолетней работы белорусских лексикографов, является значительным событием в советской лексикографии. В истории белорусской лексикографии рецензируемый словарь представляет собой первое научное издание подобного типа. Этим прежде всего определяется его значение и необходимость внимательного разбора и объективной оценки. Рецензируемый словарь должен сыграть большую роль в деле развития белорусского литературного языка и укрепления культурных связей белорусского и русского народов, тесно связанных на протяжении всей своей истории. «Настоящий Русско-белорусский словарь ставит своей целью удовлетворить потребности языковой практики белорусского народа и должен явиться пособием при переводах с русского языка на белорусский. Он должен также помогать белорусскому читателю в его работе над русской общественно-политической, научной и художественной литературой» («Предисловие», стр. 5).

Выход в свет каждого нового большого лексикографического издания по любому из национальных языков Советского Союза имеет большое значение для всей советской филологической науки в целом, так как в каждом подобном труде должен быть обобщен весь положительный опыт предшествующих работ и учтены все недостатки других изданий подобного типа, а также предложены решения некоторых спорных лексикографических вопросов на основе нового фактического материала. Как известно, многие теоретические вопросы лексикографии разработаны в русском языкознании крайне недостаточно, стройной лексикографической теории у нас еще нет. Теоретическое осмысление лексикографических проблем и их посильное решение возможно лишь на базе широкого анализа и обобщения конкретных фактов. Поэтому выход в свет каждого нового словаря нужно рассматривать как положительный факт и с точки зрения вовлечения в научный оборот нового фактического материала, что представляется очень важным не только в практическом, но и в теоретическом отношении. Таким образом, каждый новый словарь представляет собой (или, по крайней мере, должен представлять) одновременно конкретную реализацию уже оформившихся теоретических положений и расширение самой теоретической базы, потому что работа над составлением словаря не только служит прекрасной проверкой на практике тех или иных положений теории лексикографии, но вместе с тем способствует и максимальному углублению и теоретическому осмыслению многих основных лексикографических вопросов.

Для восточнославянского языкознания особое значение и интерес представляет двуязычный словарь, составленный на материале русского и белорусского языков, т. е. языков близкородственных. О специфических трудностях составления двуязычного словаря таких языков писал В. В. Виноградов в рецензии на «Русско-украинский словарь» АН УССР, предупреждая об опасности схематизации и упрощения смысловых различий при переводах¹. Все сказанное в этой рецензии в еще большей мере относится к русско-белорусскому словарю, потому что белорусский язык еще ближе к русскому, чем украинский.

При оценке рецензируемого словаря следует учитывать что ко времени его создания русско-белорусские языковые отношения достигли очень большого многообразия и сложности, особенно ярко отразившихся в целом ряде явлений, характерных для развития современного белорусского литературного языка. Потребность в достаточно полном русско-белорусском словаре стала в связи с этим весьма ощутимой. Русско-белорусский словарь должен был зафиксировать и в известной мере узаконить множество переводов отдельных слов и выражений, уже осуществленных в обширной литературе различного характера, переведенной с русского языка на белорусский.

¹ См. «Сов. книга», 1950, № 2, стр. 91—92.

Вполне понятно поэтому, что составители словаря стремились как можно шире охватить русскую лексику и дать ее белорусский эквивалент. «В связи с тем, что в повседневной литературной речи нашего общества широко бытует производственная, научная и техническая терминология, в словарь включены также многие наиболее употребительные специальные термины. Широко приведены в словаре и географические названия, поскольку написание их в белорусском языке часто составляет большую трудность» (Предисловие, стр. 6).

Вопрос о словнике двуязычного словаря такого типа и объема, как рецензируемый двуязычный русско-белорусский словарь, довольно сложен и противоречив. Одной из основных трудностей было, очевидно, определение круга так называемой общеупотребительной лексики при отсутствии точных критериев общеупотребительности тех или иных слов. Еще более не ясен вопрос о «наиболее употребительных» специальных терминах. Анализ словника русско-белорусского словаря показывает, что у составителей не было необходимой ясности представлений по этому вопросу. Как указывают составители, ими взят за основу словник «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, а также широко использованы и другие словари. Материал русско-белорусского словаря действительно показывает большую зависимость его от «Толкового словаря», хотя он и не повторяет целиком словник последнего. Однако выявить те соображения принципиального характера, которыми руководствовались составители, отступая в ряде случаев от названного словаря, не всегда оказывается возможным.

Так, в русско-белорусском словаре довольно отчетливо прослеживается тенденция не включать те слова, которые в «Толковом словаре» квалифицируются как областные, разговорные или просторечные (последние в меньшей степени). Однако определить четкие границы применения этого принципа трудно, потому что значительная часть областных и просторечных слов «Толкового словаря» все же вошла в русско-белорусский словарь. Например, в русско-белорусском словаре нет таких слов, как *каеун, каганец, кажисе, канашика, кандибобер, клеватся, кушиа, кнаружи, кутри, кобеля, коваль, козлятина, кокора, колдобина, колобашка, колотова, колпачить, колтышаться*, и многих других, которые отмечены в «Толковом словаре» как областные или просторечные. С другой стороны, некоторые слова «Толкового словаря» с той же пометой вошли в русско-белорусский словарь, хотя непонятно, в чем их отличие от слов, приведенных выше. См., например, такие слова, как *коли* (союз), *колобок, колченогий, коль, копыл, кочет, курёнок* и др. Принцип отбора слов этого типа неясен, во всяком случае составители словаря не формулируют теоретически и не показывают на практике, как решена ими, хотя бы и частично, проблема использования диалектизмов в литературном языке.

Неясен также принцип отбора терминологической лексики в рецензируемом словаре. Хотя в предисловии и сказано, что в словарь включены лишь «наиболее употребительные специальные термины», однако соответствующая лексика словаря свидетельствует о том, что составители словаря трактуют понятие общеупотребительности очень широко. Желание сделать словарь как можно «универсальнее» заставило составителей включить в словарь лексику, которую гораздо уместнее было бы поместить в отраслевых терминологических словарях. Ср., например, такие слова, как *кагат, кадаверин, кайнит, каламит, кандык, катран, клерс, клиаеж, конхиология, ксилема, кярза, лантан, лейцин, лейс, локсодрома, лютецит, мадрепора, мезоторакс, микропиле, мильдью, мизлоцит, мофетта, мохунка, табес, такыр, тарбаган, тахина, террескен, торшон, тратта, туэр*, и многие другие.

Таким образом, проблема отбора терминологической лексики в рецензируемом словаре не решена; эта часть словника лишь автоматически повторяет соответствующую часть словника многих русско-национальных словарей, изданных за последнее время.

В целях возможно большего охвата лексики в словаре применена гнездовая система расположения слов. Такая система, действительно, является наиболее экономной и позволяет осуществить максимальный охват лексики при данном общем объеме словаря, хотя она и более сложна, чем алфавитная, потому что требует очень точного учета живых структурно-семантических связей слов современного языка. Гнездовая система расположения слов таит в себе также опасность смешения нормативного аспекта с этимологическим. Составители словаря, видимо, учитывали эту опасность и в большинстве случаев избежали смешения: в одном гнезде в словаре помещены слова, имеющие между собой тесные структурно-семантические связи с точки зрения современного состояния русского и белорусского языков.

Гнездовая система применяется в рецензируемом словаре не в «чистом» виде, а в комбинации с алфавитным принципом (О пользования словарем, стр. 7). Такое соединение двух противоположных принципов ведет, как нам представляется, к тому, что ни один из них не выдерживается с достаточной последовательностью.

Применив гнездовой способ расположения слов лишь в тех случаях, когда он не нарушает алфавитного порядка, составители в ряде случаев лишили словарные статьи необходимого единства, потому что алфавитный принцип, вторгаясь в реализацию

гнездового принципа, часто нарушает объективную перспективу производства слов в современном языке и, таким образом, создает неверную картину словообразовательных связей между словами. В результате взаимодействия двух названных принципов очень часто в качестве заглавного слова словарной статьи выступает производное слово, а то слово, от которого произведено заглавное, помещено внутри статьи. Например, слова *ковровщик, ковровщица, ковровый*, словосочетание *коврово производство* приводятся не в статье *ковер*, а в статье *коврик*, хотя *коврик* — это производное слово от *ковер*. Глагол *игнорировать* помещен в словарной статье *игнорирование*; глагол *избаловать* — в словарной статье *избалованность*, глагол *издержать* в словарной статье *издержанность*. С другой стороны, слово *избавление* приведено в статье *избавить*.

Кроме нарушения словообразовательной перспективы, такой алфавитно-гнездовой принцип расположения слов создает и практические неудобства пользования словарем. В самом деле, где логика в том, чтобы, например, слово *издержать* искать в словарной статье *издержанный*, а слово *изглаженный* — в словарной статье *изгладить*? Алфавитный принцип расположения слов, накладываясь на гнездовой, приводит к нарушению цельности и последовательности самой структуры гнезд. В одних случаях все слова одного корня входят в одну словарную статью, в других случаях однокоренные слова входят в две или даже в несколько статей. Например, слова *гвоздарный, гвоздарь, гвоздильный, гвоздить, гвоздодел, гвоздь* являются заглавными в разных статьях, хотя это оправдано только по отношению к слову *гвоздить*. Получилось это только потому, что по алфавиту между этими словами находятся слова *гвоздика* и *гвоздичный*, тоже помещенные в разные статьи. В разных статьях находятся также близкие и сохранившие все структурно-семантические связи слова, как *галка, галочий, галчонок; теорение, теорец, теорчество; темнота, темный, темь; терпение, терпеть, терпимо; теснить, тесниться, тесно; томить, томление; топтание, топтать*. И таких примеров очень много.

Однако основной недостаток применения гнездового принципа расположения слов в рецензируемом словаре заключается не столько в том, что многие однокоренные и близкие по значению слова попали в разные гнезда, а в том, что сами гнезда в словаре неодинаковы по своей структуре.

Помещение слов в одном гнезде должно быть мотивировано живыми структурно-семантическими связями слов в современном языке. С этой точки зрения не все словарные гнезда рецензируемого словаря представляют собой единство. Например, в статье *машинист* приводится в качестве производного слова *машинистка*, хотя эти слова и разошлись в своих значениях. В «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова слово *машинистка* толкуется без ссылок на слово *машинист*. В статье *кандидат* приводится слово *кандидатка*, хотя эти слова соотносительны только в одном значении. В данном случае составители словаря некритически следовали «Толковому словарю», где слово *кандидатка* неправильно толкуется как «женск. к *кандидат*». Разошлись в значениях и слова *касание* и *касательство*, помещенные составителями рецензируемого словаря в одном гнезде.

Одним из важных теоретических вопросов, с которым неизбежно сталкиваются составители словарей, является вопрос об омонимии, т. е. о семантической границе слова. Очень часто практически трудно определить, имеем ли мы дело с особым значением слова или с его омонимом. Правда, следует отметить, что и теоретически эта проблема разработана очень слабо, составители не могли воспользоваться сколько-нибудь четкими и определенными критериями для выделения омонимов в каждом конкретном случае, потому что во многих словарях вопрос об омонимии решается по-разному. Например, в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова заметна тенденция дифференцировать значения слова, не выделяя омонимов. Наоборот, в «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым, многие значения слов, указанные в «Толковом словаре», квалифицируются как омонимы. Составители русско-белорусского словаря не предлагают своего, хотя бы частичного, решения проблемы омонимии на белорусском материале и предпочитают следовать в этом вопросе за «Словарем русского языка», составленным С. И. Ожеговым. См. слова *кабан, касалер, казачок, капот, класс, колкий, колода, колония, колонка, колонна* и др., в которых «Толковый словарь» различает по два или несколько значений, а «Словарь русского языка» эти значения рассматривает как омонимы. Вопрос же о том, верно или неверно разрешена проблема омонимии в «Толковом словаре» или в «Словаре русского языка», выходит за пределы данной рецензии.

Большое значение для качества двуязычного словаря, взятого в целом, имеет качество перевода представленных в нем русских слов на белорусский язык. Л. В. Щерба писал по этому поводу: «... слова одного языка не просто соответствуют словам другого языка, а находится с ними в весьма сложных и многообразных отношениях. Это обстоятельство делает „составление“ дифференциальных (т. е. двуязычных) словарей делом исключительно трудным...»¹. Специфические трудности возникают при

¹ Л. Щ е р б а, Предисловие, в кн.: Л. В. Щерба и М. И. Матусевич, Русско-французский словарь, М., 1939, стр. 3.

составлении двуязычного словаря на материале близкородственных языков. Правда, словам одного из таких языков сравнительно легко найти наиболее адекватные эквиваленты в другом языке, однако близость языков может привести к стиранию тонких семантических оттенков, свойственных какому-нибудь слову в одном языке и отсутствующих в другом языке. Поэтому особую важность имеет перевод не только слов, но и отдельных словосочетаний, включающих в себя переводимое слово. В рецензируемом словаре во многие статьи включены и словосочетания, которые переводятся на белорусский язык. Например, в словарной статье *масло* дан перевод не только разных значений этого слова, но и целого ряда словосочетаний с главным словом *масло*: *топленое масло, вазелиновое масло, купоросное масло, летучее масло, миндальное масло* и др.; в словарной статье *мост* даны также переводы словосочетаний *железнодорожный мост, арочный мост, цепной мост, понтонный мост* и др. Однако включение в словарную статью большого количества словосочетаний с переводимым словом и перевод этих словосочетаний оправданы лишь в том случае, если в этих словосочетаниях выявляются дополнительные оттенки значения слова или его семантические связи с другими словами или же если в сочетании с различными словами заглавное слово переводится разными словами. Например, второе значение слова *кататься* переводится словами *катацца, ездзіць, вазіцца*; перевод иллюстрируется примерами: *катацца (ездзіць) верхам, катацца (вазіцца) на лоцы*; однако словосочетание *кататься на коньках* переводится также и словосочетанием *коўзацца на каньках*; помещение в словарь последнего словосочетания необходимо. Во многих словарных статьях рецензируемого словаря материал словосочетаний служит именно этим целям, однако в ряде словарных статей этот материал не несет такой функции, и поэтому приведение большого количества словосочетаний не представляется необходимым.

В качестве примера можно привести словарную статью *катать*. Первое значение этого слова переводится словом *качаць*. Перевод точный и совершенно не требующий приведения словосочетаний, в которых не содержится никаких указаний на какие-либо дополнительные оттенки значений или на ограниченность связей слова *качаць* по сравнению с *катать*; во всех приведенных словосочетаниях слово *катать* переводится словом *качаць*: *катать мяч — качаць мяч; катать из хлеба шарики — качаць з хлеба шарыкі; катать белье — качаць бялізну; катать листовое железо — качаць листовое жалеза*. Такие «незамкнутые» ряды словосочетаний можно пополнять любым количеством примеров, однако без ощутительной пользы для полноты и точности перевода.

Русско-белорусский словарь должен дать не только точные белорусские эквиваленты русских слов, не только точный перевод, но он должен также включить в себя и семантическую разработку слов, т. е. выделение значений и оттенков значений, особенно в белорусской части. Излишне доказывать, насколько подробная семантическая разработка слова помогает пользоваться словарем, в частности, при работе над переводом.

В рецензируемом словаре слова подвергаются семантической разработке лишь тогда, когда разные значения русского слова переводятся разными белорусскими словами. Если же с точки зрения составителей в с е значения русского слова переводятся о д н и м белорусским словом, то в этих случаях помета в «разн. знач.» заменяет собой семантическую разработку слова. Иногда в словаре дается перевод не всех значений, а лишь главнейших, остальные объединяются указывающей пометой. Таким образом, во всех таких случаях слово семантически не разработано ни в русской, ни в белорусской части или же разработано неполно. Примером может служить словарная статья *камень*, где все значения этого слова, которых в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова насчитывается шесть, скрыты под пометой «в разн. знач.». См. также словарную статью *корень* и многие другие.

Положительной чертой рецензируемого словаря следует считать переводы фразеологических единиц русского языка при помощи аналогичных единиц белорусского языка. Например, *лежок на помине — пра воўка памоўка, а воук і тут; не мытьем, так катаньем — не кіем дык палкай*. Однако в этих случаях нужно быть очень осторожным, потому что при таком переводе могут быть упущены какие-либо оттенки значения или же, наоборот, в переведенном фразеологизме может появиться оттенок, отсутствующий в оригинале. Например, *развесистая клюква* (с пометой «шутл.») переводится — на *вярбе грушы, сярбовыя грушы*, т. е. рассказывание небылиц, вранье. В переводе упущен семантический оттенок, который имеется у фразеологизма *развесистая клюква* (вранье, проистекающее из-за плохого знакомства с тем, о чем рассказывается); *развесистой клюквой* обычно называли всевозможные фантастические рассказы иностранцев о России.

Весьма сложную проблему, имеющую большое значение не только для теории лексикографии, но и для лексикологии, представляет собой стилистическая характеристика лексики. Большой материал, собранный в словарях и оцененный с стилистической точки зрения, может показать, из каких принципов исходили составители того или иного конкретного словаря.

Система стилистических помет русско-белорусского словаря довольно точно воспроизводит таковую в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова. В рецензируемом словаре стилистические пометы разного характера употребляются очень широко. Они указывают на соотношенность того или иного слова с различными по происхождению и по стилистической окраске пластами: просторечием, разговорным языком, пластом слов, вошедших в литературный язык из народных говоров, но все же осознаваемых в нем как диалектизмы, и т. п. Система стилистических помет в рецензируемом словаре, как видим, очень разнообразна, однако не ясно, к какой части словаря, русской или белорусской, она относится. Специальный анализ материала словаря показывает, что в одних случаях стилистическая характеристика относится только к русскому слову, а в других — и к русскому, и к белорусскому. Таким образом, говорить о наличии достаточной или последовательной стилистической характеристики белорусских слов нельзя, подобная характеристика представлена только для русских слов. Отсутствие указаний на то, в каких случаях стилистические пометы относятся только к русским словам, а когда также и к белорусским, затрудняет использование и тех помет, которые в словаре имеются. Пользующемуся словарем приходится самому решать этот вопрос в каждом конкретном случае, исходя из противоречивых показаний самого материала. Только по поводу терминологической лексики можно со всей определенностью сказать, что имеющиеся стилистические пометы относятся как к русским, так и белорусским словам, потому что эти пометы указывают на термин. В тех же случаях, когда стилистическая помета имеет оценочный или запретительный характер, стилистическая характеристика белорусского слова остается неясной.

Таким образом, с большим сожалением приходится констатировать, что белорусские слова, впервые собранные в таком большом и серьезном издании, каким является рецензируемый словарь, оказались в подавляющем большинстве случаев лишены какой бы то ни было стилистической характеристики.

Приведем некоторые примеры.

Слово *мелочишка* имеет помету «разг.» (разговорное), слово *мелочь* в 3-м значении («пустяк») никакой пометы не имеет. Переводятся же оба эти слова белорусским словом *дроблязь*. Пользующийся словарем может сделать заключение, что либо слово *дроблязь* может также иметь и оттенок разговорности (т. е. что у этого слова есть, если можно так сказать, стилистический «омоним»), либо что слово *дроблязь* неточно передает значение одного из русских слов. В нашем примере слово *дроблязь* не передает оттенка разговорности, который имеет значение слово *мелочишка*.

Еще пример. Слово *милашка*, снабженное пометой «разг.», переводится словом *мiлая*; этим же словом переводится слово *мiлая*, неимеющее никакой пометы. Из сопоставления словарных статей *милашка* и *мiлая* естественно сделать вывод, что помета «разг.» характеризует только русское слово. Аналогичная картина со словом *кладушка*, которым переводятся русские слова *кладовка*, *кладовушка* (с пометой «разг.») и *кладовая* (без этой пометы). С другой стороны, как уже говорилось, встречается немало примеров, когда оценочные или запретительные пометы несомненно относятся и к русским, и к белорусским словам.

При пользовании пометой «уст.» (устарелое) составители русско-белорусского словаря в ряде случаев смешивают слова с реалиями, т. е. с теми понятиями или предметами, которые эти слова обозначают, и не считают с тем, что хотя соответствующие реалии и устарели, слова, их обозначающие, продолжают сохраняться в составе лексики современного языка при сужении круга их употребления. Например, пометой «уст.» снабжены такие слова, как *кабак*, *кадет* (воен.), *казакин*, *камергер*, *камердинер*, *камер-юнкер*, *колет*, *конка*, *конфирмация*, *корча*, *лейб-медик* и многие другие. В этих случаях стилистическая помета, по всей видимости, относится как к русским, так и к белорусским словам. В тех же случаях, где помета «уст.» употреблена правильно, т. е. ею снабжено действительно устарелое слово, она относится только к русскому слову, например: *ланита* — *щчка*.

Нередко остается неясным, характеризует ли помета «уст.» только заглавное слово словарной статьи или также все слова данного гнезда, так как в одних случаях этой пометой снабжено только заглавное слово, а в других — также и остальные слова данного гнезда. Например, слова *камергер* и *камер-юнкер* снабжены пометой «уст.», а *кантонист* — пометой «ист.» (историческое), слова же *камергерский*, *камер-юнкерский*, *кантонистский* не имеют помет; слово *миротворец*, которое является заглавным, а также приведенные в этом же гнезде слова *миротворный* и *миротворческий* квалифицируются соответствующими пометами как устарелые. Повидимому, только к русским словам относятся пометы, квалифицирующие слова как фольклорные, пренебрежительные и т. д.

Одна и та же помета употребляется в словаре с разным значением. Например, помета «ист.» при словах *аутодафе*, *капер*, *каравелла* и многих других указывает, что данные понятия и предметы относятся к области прошлого; эта же помета при словосочетании *каменный век* указывает на термин исторической науки.

Анализ системы стилистических помет русско-белорусского словаря показывает,

что у составителей его не было заранее составленного плана, какие слова характеризовать стилистически, а какие нет. Кроме того, составители проявили в этом вопросе очень большую и, может быть, неоправданную осторожность, снабжая стилистическими пометами лишь те белорусские слова, относительно которых не могло быть колебаний, и наиболее последовательно отмечая лишь терминологическую лексику. Что же касается определения экспрессивно-эмоциональных оттенков значения («разг.», «прост.» и др.) или тех помет, которые имеют в известной степени нормативный характер («уст.», «ист.»), то для белорусских слов они почти не даются. Белорусская лексика словаря оказалась не охарактеризованной в весьма существенном отношении.

Пользуясь для стилистической характеристики русских слов, как уже говорилось, пометами «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова, составители нередко проявляют слишком большую зависимость от этого последнего и не проявляют достаточной заботы о том, чтобы употребление той или иной пометы согласовалось с белорусским переводом. Так, в «Толковом словаре» с пометой «обл.» помещено слово *кувшинчик*, обозначающее растение, которое в литературном языке называется *кувшинкой*. В русско-белорусском словаре тоже есть слово *кувшинчик* и тоже с пометой «обл.», которое, однако, переводится словом *збанок*, *збаночак* (маленький кувшин). Помета «обл.» явно попала сюда по недоразумению: составители механически перенесли ее в свой словарь из «Толкового словаря», где эта помета правильно характеризует слово *кувшинчик* (водяное растение, а не маленький кувшин!) и форму родительного падежа единственного числа *кувшинá* вместо литературного *кувшинá*.

Итак, в общем решении вопроса о стилистической характеристике слов составители не сделали заметного шага вперед. Но они не сделали и того, что обязательно должны были сделать в этом направлении: систему стилистических помет они должны были расширить и распространить на белорусскую часть словаря. Тогда эта система хотя бы и не самостоятельно разработанных стилистических помет, несовершенная в ряде отношений, по крайней мере, была бы еще раз проверена в практическом применении. Для белорусского языка это, несомненно, было бы очень полезно, потому что в этом случае значительная часть белорусской лексики подвергалась бы стилистической квалификации, что сыграло бы большую роль при уточнении норм белорусского литературного языка.

Что же касается общей проблемы стилистических помет в словарях, то теоретически она тоже никак не решается на материале русско-белорусского словаря, несмотря на все предпосылки к этому.

В непосредственной связи с проблемой стилистической характеристики слов находится проблема нормативной оценки лексики. Вопросы нормализации вообще имеют важное значение, по отношению же к литературным языкам с относительно недавней историей они приобретают особый смысл и значение, поскольку в этих языках обычно весьма значительные колебания в лексике, отсутствуют достаточно точные критерии для разграничения литературной и диалектной лексики и разграничения различных случаев стилистического употребления слов. Поэтому двуязычный словарь, построенный на материале русского языка и языка национального со сравнительно недавно оформившейся литературной формой его, должен в большой степени способствовать разрешению проблемы нормализации в сфере лексики национального языка, т. е. способствовать окончательному отбору и закреплению слов за литературным языком. Такой словарь должен способствовать установлению также грамматических и словообразовательных норм, хотя в силу специфики материала в словаре установление этих норм возможно в значительно более узких рамках, в особенности по отношению к нормам грамматическим. В общем же роль русско-национального словаря в деле установления лексических, а также грамматических и словообразовательных норм национального языка — огромна.

Все сказанное выше имеет прямое и непосредственное отношение к русско-белорусскому словарю. Одна из его задач — это установление лексических норм белорусского языка, а отчасти и норм грамматических и словообразовательных.

Лексика белорусского литературного языка развивалась очень неравномерно. В дореволюционное время развитие это было односторонним — расширялась только сфера бытовой лексики и лексики, представленной в языке художественной литературы, в то время как лексика других стилей (публицистического, научного, делового) в связи с отсутствием развития самих этих стилей почти совсем не развивалась. «Объясняется это тем, что белорусский народ не имел своей государственности, не вел дипломатической и служебной переписки, не издавал законов на родном языке, не имел права пользоваться им не только в высшей, но и в начальной школе» (Предисловие, стр. 6). Только после Октября, когда белорусский язык стал государственным языком, его развитие стало равномерным и интенсивным. «В результате Октябрьской революции впервые за всю историю получил свою государственность и белорусский народ, а его язык поднялся до уровня государственного, стал равноправным среди других языков народов Советского Союза. Такой высокой социальной, политической и куль-

турной функции белорусский язык не выполнял на протяжении всего предшествующего пути своего развития¹.

Таким образом, за сравнительно короткий период в белорусский литературный язык влилось очень много новых слов, обозначающих новые понятия и новые идеи. Большую роль в обогащении лексики белорусского литературного языка сыграл русский язык. Возникла насущная необходимость отобрать все удачное, живое, продуктивное в области лексики и создать или закрепить лексические нормы. Работа, как видим, огромная, с ней коллектив составителей справился удачно.

Трудность заключалась также в том, что составители почти не имели возможности использовать традицию, опыт предшественников, потому что словарь, подобный рецензируемому, создан в белорусской лексикографии впервые. Тем более велика заслуга составителей, создавших впервые в истории белорусской лексикографии словарь, который, несомненно, сыграет выдающуюся роль в дальнейшем развитии и усовершенствовании белорусского литературного языка.

Коллектив составителей отчетливо представлял себе, что нормативность является одной из важнейших задач при работе над словарем. «Словарь, особенно в белорусской своей части, — говорится в «Предисловии», — ставит себе и задачи нормативного порядка: он должен быть в некотором роде справочником, указывающим круг употребления того или другого слова, его грамматические формы, ударение и написание» (стр. 5). Нужно отметить, что составители русско-белорусского словаря в общем справились с задачей реализации намеченного ими нормализаторского плана.

Вопрос разграничения лексики литературного языка и лексики диалектной весьма актуален в применении к белорусскому литературному языку. Поэтому с особой тщательностью и вниманием составители должны были отнестись к квалификации того или иного слова как областного, потому что этот вопрос тесно связан с общей проблемой нормализации литературного языка.

К сожалению, наряду с правильным использованием в словаре соответствующей пометы, встречаются случаи, когда читатель испытывает некоторое недоумение. Нужно думать, что слова с пометой «обл.» не входят в состав лексики белорусского литературного языка, а если и входят, то все же осознаются в его составе как диалектизмы. Однако эта помета дается при русском слове, поэтому не ясно, является ли соответствующее белорусское слово тоже областным. Например, при слове *кочет* есть помета «обл.», но значит ли это, что и белорусское слово *певень*, которым переводится первое значение слова *кочет*, тоже является областным. Видимо, нет, потому что слово *петух* (слово литературного русского языка) переводится тем же словом *певень*; 2-е значение слова *кочет* («уключина») переводится словом *кочат*, причем опять-таки не ясно, является ли последнее диалектизмом или нет: слово *уключина*, не имеющее никаких помет, переводится словами *уключина* и *кочат*. При словах *курёнок* и *кутёнок* есть помета «обл.», которая, видимо, относится только к русским словам, потому что соответствующими им белорусскими словами *кураця* и *шаня* переводятся также и слова литературного языка *цыпленок* и *щенок*. Таким образом, помета «обл.» не дает возможности определить, является ли белорусское слово, которым переводится русский диалектизм, тоже областным или же белорусское слово — это всего лишь литературный синоним белорусского диалектизма, эквивалентного диалектизму русскому.

В составе каждого литературного языка есть такие диалектизмы, которые понятны каждому говорящему на этом языке и которые употребляются в литературном языке, сохраняя при этом свой диалектный характер. Этот слой диалектизмов с помощью «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова выделен в русской части словаря, но никак не выделен в соответствующей белорусской части.

В многих случаях остается неясным, каким белорусским словом, диалектным или не диалектным, переводится диалектное слово русской части. Поэтому уровень нормативности в белорусской части ниже, чем в русской. Тем не менее русско-белорусский словарь, конечно, будет в сильнейшей мере способствовать более четкому определению границ литературной лексики и ограничению ее от лексики диалектной, потому что уже самый факт помещения в словарь того или иного белорусского слова без помет запретительного характера свидетельствует о принадлежности этого слова к лексике литературного языка.

В доступных пределах словарь должен также способствовать стабилизации грамматических норм. Это особенно важно тогда, когда нормы литературного языка еще недостаточно укрепились и не стали единственно возможными. В полной мере это относится и к белорусскому литературному языку. В качестве примера можно привести хотя бы формы родительного падежа единственного числа существительных мужского рода на *-а* и на *-у*. Между обеими формами есть семантическое различие, довольно

¹ М. Р. Судник, Важнейшие задачи белорусского советского языкознания, «Труды Ин-та языкознания АН БССР», вып. II, Минск, 1954, стр. 7, [на белорусском языке].

четко разграничиваемое теоретически, однако на практике обе формы часто употребляются безразлично, создавая ненужный разнобой¹. В русско-белорусском словаре после переводов указывается форма родительного падежа, которая и получает значение грамматической нормы.

В некоторых случаях составители словаря не решаются выбрать одну из двух возможных форм или не располагают достаточными данными для этого и переводят одну русскую форму двумя белорусскими, предоставляя пользующемуся словарем самому выбрать одну из них. Например, местоимение *этот* в женском роде переводится *эта* и *этая*, в среднем роде *эта* и *этае*; *сегодня* переводится *сягоння* и *сёння* и т. д.

Интересный вопрос представляет собой употребление в современном белорусском языке причастий. В последнее время под влиянием русского языка причастия в синтаксической функции определения начинают все шире употребляться в белорусском литературном языке. Русско-белорусский словарь вносит известную определенность в этот вопрос, приводя многие причастия, что нужно рассматривать как введение этих последних в норму белорусского литературного языка: *решаючы* (ср. *решающий фактор*), *кіруючыя органы* (ср. *руководящий работник*), *двюкаля армія*, *шагаючы* (ср. *шагающий экскаватор*) и многие другие.

Известную упорядоченность вносит русско-белорусский словарь и в словообразование. Остановлюсь лишь на нескольких примерах. В цитированной выше статье М. Г. Булахов пишет: «Со всей очевидностью выявляется необходимость нормализовать также способы словообразования разных частей речи. Это обусловливается опять-таки наличием разнобоя, скажем, при образовании глагольных и именных форм при помощи суффиксов: *-іраваць, -аваць, -яваць, -іраванне, -аванне, -яванне*. Например, одни авторы употребляют формы *дыстыляваны, грануляваны, ізальаваны, нацыялізаваны* (и соответствующие формы инфинитивов, существительных), другие авторы подобные слова употребляют с элементом *-ір-* в суффиксе...»². Вопрос об употреблении слов с элементом *-ір-* в суффиксе или без него решается в каждом отдельном случае, т. е. словарно. В русско-белорусском словаре можно подметить тенденцию употреблять эти суффиксы без элемента *-ір-*, во всяком случае, таких примеров большинство: *кальківаць, кваліфікаваць, кадэфікаваць, калектызізаваць, камбінаваць, кампіляваць* и т. д. Примеров с элементом *-ір-* в суффиксе значительно меньше. Иногда с наличием или отсутствием элемента *-ір-* в суффиксе составители связывают разные значения слова. Например, сельскохозяйственный термин *компостировать* переводится словом *кампастваваць*, а железнодорожный термин переводится словом *кампаціроваць*. Такое разграничение выглядит несколько искусственно.

Коллектив составителей русско-белорусского словаря проделал огромную работу, которая имеет очень большое научно-общественное значение. Впервые в истории белорусского языкознания создан научный словарь, охватывающий такое большое количество лексики белорусского литературного языка. Тем самым сделан большой вклад в дело нормализации белорусского литературного языка в области лексики, а также словообразования и отчасти грамматики. По отношению к литературному языку с недавней историей, каким является белорусский литературный язык, значение такого словаря трудно переоценить.

Естественно, что в таком большом деле составители не избежали отдельных ошибок, что весьма понятно, так как у них не было заслуживающих внимания предшественников в белорусской лексикографии. Однако не частные промахи и неточности определяют значение рецензируемого словаря, а большой и доброкачественный материал, обработанный в соответствии с современными требованиями лексикографии. Русско-белорусский словарь — большая творческая победа белорусских лексикографов, создавших на материале белорусского литературного языка первый словарь научного типа.

И. А. Оссовецкий

¹ См. М. Г. Булахов, О некоторых вопросах нормализации и развития белорусского литературного языка, «Труды Ин-та языкознания АН БССР», вып. I, Минск, 1954, стр. 13—14 [на белорусск. языке].

² Там же, стр. 19.